

нехудожественного. Забвение этого правила на практике ведет к тому, что исследователь лишает сам себя возможности определить стилистический строй художественного произведения — даже в том случае, если подсчитает все приемы, проанализирует все случаи их конкретного применения. На мой взгляд, приемы «нейтральные» вообще могли бы выпасть из поля зрения исследователя, так как они ничего не прибавляют и не могут прибавить к характеристике стилистического своеобразия данного автора или произведения.

Элементы эмпирической описательности сказываются в исследованиях по стилистике и в том, что мы, подчас увлеченные «сбором материала», забываем, что тот или иной стилистический прием — не голая форма, лишенная содержания, что играть ту или иную роль в стилистическом оформлении произведения прием может только благодаря своей идейно-художественной целенаправленности. К сожалению, как раз этой стороне дела в исследованиях по стилистике уделяется мало внимания. О художественном назначении приема или вообще не упоминают или подменяют вопрос о нем другим вопросом — о происхождении приема («книжном», литературном или устнопоэтическом). Последний вопрос, сам по себе интересный, однако к стилистическому анализу никакого прямого отношения не имеет и уводит исследователя, часто независимо от его субъективных намерений, далеко в сторону от поставленной задачи.

Приемов не так уж много (теория литературы уже давно их подсчитала и расклассифицировала). Бесконечное разнообразие стилистических систем порождают в литературе не приемы сами по себе и даже не их комбинации, а многоликие оттенки их идейно-художественного применения. Без установления конкретного «содержания» того или иного приема определить своеобразие стилистического строя данного произведения невозможно.

В произведении приемы существуют не изолированно друг от друга, но в определенной системе, которую они и составляют. Отсюда следует, что свое художественное назначение имеет не только каждый прием, взятый в отдельности, но и вся стилистическая система в целом. Есть системы, задача которых состоит в том, чтобы обнаружить «автора», его симпатии и антипатии, его отношение к изображаемой действительности, его личную заинтересованность в том, что он изображает; бывают системы, назначение которых чисто орнаментальное: разные стилистические приемы привлекаются только для того, чтобы создать атмосферу пышности, великолепия, помпезности, официальной парадности (см. панегирическую поэзию Симеона Полоцкого); есть системы, основная задача которых — охарактеризовать «героя», придать произведению ту или иную эмоциональную окраску и т. п. Установить, что именно преследует та или иная стилистическая система, и есть задача исследования в области стилистики. Именно здесь лежит путь к пониманию стилистического своеобразия того или иного автора или произведения.

В последнее время появилось немало исследований — это преимущественно кандидатские диссертации, — посвященных «языку писателей». Такие исследования появились и в области древнерусской литературы: есть разыскания о языке «Задонщины», исторических повестей начала XVII века, летописи и пр. Самый термин «язык писателя» получил в особенности широкое распространение среди лингвистов и, надо полагать, имеет свой смысл с точки зрения лингвистической. С точки зрения литературоведа этот термин лишен смысла, так как проблема языка для него не является какой-то особой проблемой, отличной от стилистики. Для литературоведа проблема языка писателя есть прежде всего проблема сти-